УДК 94(470) “1238/1480”

МОБИЛЬНОСТЬ И ОГРАНИЧЕННАЯ (НИЗКАЯ) МОБИЛЬНОСТЬ В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия
Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2020). Mobility and immobility in the Mongol empire. *Mongolovedenie*. Vol. 12. 3. 430-445. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

мобильность, Монгольская империя, кочевничество, пространство, культура, торговля

Перевод

Омакаева Эллара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
Элиста, ул. Пушкина, д. 11.
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Доржинова Замира Бадмаевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова»
Элиста, ул. Пушкина, д. 11.
E-mail: english@kalmsu.ru

UDC 94(470) “1238/1480”

MOBILITY AND IMMOBILITY IN THE MONGOL EMPIRE

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology, Department of Law & Anthropology, Berlin,
German E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2020). Mobility and immobility in the Mongol empire. *Mongolovedenie*. Vol. 12. 3. 430-445. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

mobility, Mongol Empire, nomadism, space, culture, trade.

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

Zamira B. Dorzhinova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia,

E-mail: english@kalmsu.ru

ВВЕДЕНИЕ

Мобильность в монгольских обществах и в меньшей степени ограниченная мобильность всегда были в центре социальных и исторических исследований, учитывая кочевой образ жизни и политическое вторжение монголов в различные части Азии и Европы. Монгольская империя, в частности, постоянно привлекала внимание в результате своей скорости расширения и создания *Pax Mongolica* (примерно 1270–1360 гг.) за относительно короткий период времени¹. В течение XIII–XIV вв. монголы не только основали раннее монгольское государство (Krader, 1968; 1969; 1978; Franke, 1978; Khazanov 1981; Kradin, 1995a; 1995b), но и всего за несколько десятилетий распространили свою гегемонию на Китай, Среднюю Азию, Персию, Кавказ, Восточную Европу и Сибирь – в культурном отношении очень разные области, которые теперь стали тесно взаимосвязаны (Boyle, 1971²; 1997; Genghis Khan, 1997; Spuler, 1943; 1985; Rossabi, 2009; Allsen, 1983; 2001; Weiers, 2004; Jackson, 2005).

Если мы можем назвать это историей успеха в построении средневековой империи, то мобильность, как «способность людей, идей и артефактов перемещаться или быть перемещенными как в пространстве, так и в обществе» (Biran, 2018: 136), несомненно, сыграла решающую роль. Вопрос в том, как измерить мобильность и каковы ее конкретные проявления? Прежде чем обратиться к эпистемологическим областям трансфера культуры и торговли с доставкой товаров на дальние расстояния, для определения возможностей и ограничений мобильности я перечислю здесь несколько тем, посвященных средневековому монгольскому миру, как хорошо известных, так и менее знакомых, связанных с мобильностью в более широком смысле.

В первой части статьи диалектика мобильности и неподвижности будет обсуждаться как «социальная и культурная мобильность» с точки зрения карьерного роста, лояльности, интеграции, этнической принадлежности, происхождения, генеалогии, брака и религии.

Вторая часть статьи будет посвящена «пространственной мобильности» с точки зрения выплаты дани и военной службы, культурного трансфера и идеи путешествий, контроля за передвижением и перемещением населения, а также в отношении потока и ограничения товаров.

¹О концепции *Pax Mongolica* и монгольском мировом господстве см. Клаус Сагастер, “Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den Mongolen”, *Central Asiatic Journal* 17, no. 2-4 (1973): 223-42 и приведенные там ссылки. О недавней переоценке этой концепции см. Никола ди Космо, “Черноморская эмпория и Монгольская империя: переоценка *Pax Mongolica*”, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 53 (2010): 83-108. Выражаю благодарность проф. Карениной Колльмар-Пауленц за эти сведения.

²Здесь я использую классическую работу Бойля, хотя есть новый перевод на английский: Рашид аль-Дин, Рашидуддин Фазлулла «Джамиут-таварих» (Сборник хроник): История монголов, пер. Уилер Макинтош Тэкстон (Cambridge, MA: Harvard Univ., Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998-1999).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Социальная и культурная мобильность в Монгольской империи.

Социальную мобильность можно определить, как «перемещение во времени отдельных лиц, семей или других социальных единиц между позициями, имеющими различное преимущество в системе социальной стратификации» (Müller&Pollak, 2015), включая классовую принадлежность, статусные группы, родственные связи и социальное происхождение; таким образом, она предоставляет нам аналитический инструмент, который можно применить не только к настоящему, но и к обществам далекого прошлого.

Значимость социальной и пространственной мобильности для позднего средневековья в Европе должным образом уже признана (Herlihy, 1973), и она еще более важна для расширяющейся Монгольской империи с ее сравнительно более слабыми институциональными границами и более высокой степенью культурного разнообразия.

Один из первых хорошо известных примеров карьерного продвижения и преданности описан в «Тайной истории» за 1206 год, когда Тэмуджин был провозглашен каганом всех монголов.

Поскольку Монгольская империя все еще находилась на ранней стадии формирования государства, Чингисхан коренным образом реформировал военную организацию. Оценивая своих врагов и союзников, он сказал: «Тем, кто встал на мою сторону, когда я создавал нашу империю, я выражу свою признательность и, сформировав отряды из тысячи человек, я назначу их тысячными командирами» (Rachewiltz, 2006: 133–134).

Помимо лояльности, другими критериями отбора были профессионализм и лидерство в вопросах ведения войны, в то время как этническая принадлежность оценивалась гораздо ниже, даже ниже семейных и родственных связей. Военная реформа Чингисхана включала в себя реорганизацию его бывшей личной гвардии или телохранителей хишигтен (кешиг) в один тюмен (то есть 10000 человек), выбранный из 95 минганов (то есть 1000 человек), куда отбирались сыновья его командиров и простые люди на основе их боевых навыков. И он четко дал понять своим вновь назначенным командирам, как выбирать людей для военной службы: «Когда будут набираться стражники для нас и сыновья командиров тюменов, минганов и сотен или сыновья обычных людей пойдут к нам на службу, будут приняты те, кто способен воевать и хорошо выглядит, кто будет сочтен подходящим для службы на нашей стороне» (Rachewiltz, 2006: 152–153). Хишигтен был авангардом полиэтнического состава войска и превосходил обычные войска; он был разделен на три группы: привилегированный ночной дозор (kebtegül, всего один минган), лучники, или носители колчана (хорчин, также один минган) и дневной дозор (тургаут, восемь минганов).

Замечательная карьера Чормакана-Корчи, высокопоставленного офицера из второй группы, свидетельствует о возможной социальной мобильности. Будучи из клана Сунуд (Сонид, Сёнид, Сюнит) монголов Отеген (Отегет), он был впервые награжден Чингисханом после осады Ургенча в 1221 году. Впоследствии, в 1229 г.,

Угедей-хан отправил его в Персию, где он прославился завоеванием Азербайджана, Грузии и Армении в 1230-х гг., хотя сам он не был членом правящей династии Борджигидов (Haenisch, 1948: 33, 77-79, 104-11, 131-39; Pelliot, 1960: 31-32, 85-86; Hesse, 1982: 113-116; Schorkowitz, 1992: 60-66; Atwood, 2004: 348-354).

Те же критерии отбора применялись в административной и культурной сферах в Монгольской империи, актуализируя единый принцип «интеграции через различие». Есть множество примеров, когда «способные и хорошо выглядящие» пробивались в высший эшелон имперской элиты независимо от этнической или классовой принадлежности. Знаменитый судья (*yeke jarquči*) Шиги Кутуку (1180-1260), ответственный за составление монгольского кодекса «Яса», берущего начало с 1206 г., был татарским ребенком благородного происхождения, усыновленного семьей Темуджина около 1182-1183 гг., став, таким образом, или сводным братом (согласно Тайной истории), или, что более вероятно, пасынком (*örgömel düü*) Чингисхана (согласно Рашид ад-Дину).

Шиги Кутуку, как и многие татарские аристократы, изучал уйгурскую письменность по приказу Чингисхана; скорее всего, его обучал Тата Тунга, найманский дарга, который поступил на службу к Чингисхану и ввел письменность для официальных целей после поражения тюркоязычных (возможно, монголизированных) уйгуров в 1204 г. (Ratchnevsky, 1965: 87-88, fn. 2, 90-91, 96; Rachewiltz, 2006: 58, 134-135).

Биография Шиги Кутуку более подробно описана еще одним выдающимся приверженцем империи, можно сказать, его современником, великим историком и государственным деятелем Рашид ад-Дином (1247-1318), который сам является примером реализованных возможностей социальной мобильности. Родившись в еврейской семье Хамадана на северо-западе Персии, он обратился в ислам в возрасте тридцати лет и поступил на службу при дворе Ильханидов в качестве врача, став влиятельным советником Абака-хана (1265-1282 гг.), а затем визирем Махмуда Газана (1295-1304) и Улдзейту (1304-1316 гг.).

Рашид ад-Дину приписывают разработку и осуществление реформ Газан-хана на основе «иранских традиций централизованной феодальной формы правления [и] необходимости справедливой налоговой политики» (Petrushevsky, 1970: 151; Rashīd ad-Dīn, 2010). Несмотря на все это, часто говорят, что монголы смогли завоевать мир верхом на лошади, но что «им нельзя управлять с лошади» (Bira, 2000: 131), как было сказано Угедей-хану. Это явно наводит на мысль об ограниченной мобильности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Основная стратегия монголов фактически ограничивалась добычей ресурсов и взиманием налогов с крестьян, городских жителей и торговцев. Однако для достижения этой цели их правители оказались достаточно гибкими, что позволило адаптироваться к местному опыту, интегрировать культурные методы и опыт правления регионом и при необходимости изменить свою официальную веру на христианство, буддизм или ислам. Но тем самым монгольская элита также претерпела различные формы культурных изменений. Динамика монгольской экспансии и завоеваний следовала нескольким простым правилам, не столько изобретенным,

сколько разработанным Чингисханом и его преемниками в то время, когда экономический рост и инфраструктура в Евразии достигли уровня, не имеющего себе равных в более ранних империях, таких как Сюнну (Xiongnu) или Жужаньский каганат (Rouran).

Как и в случае с предыдущими степными империями, местные правители могли либо согласиться на требование о капитуляции, либо столкнуться с порабощением и разрушением. Тем, кто сдавался вовремя, предлагали должности, в то время как тех, кто слишком поздно заявлял о верноподданности, часто считали ненадежными и размещали на передовой на поле боя. Затем они первыми напали на своих соседей, а когда монгольское командование решило двинуться дальше, то наступила ситуация, которой местные правители обычно стремились избежать любой ценой, предлагая взамен союз. Но даже тогда они были обязаны предоставлять войска, лошадей, еду и услуги монгольской армии и собирать налоги для хана, но это бремя было компенсировано лишь частично разграблением и военными трофеями (монг. *Sauqa*), которые они могли взять для себя.

Влияние этой динамики снежного кома часто приводится в качестве объяснения стремительного движения империи от монгольских до венгерских равнин в течение чуть более трех десятилетий, и это справедливо. Действительно, завоевание все новых территорий и их последующая эксплуатация победоносными вспомогательными войсками были решающим фактором в успехе империи, а также в ее окончательном крахе. Однако истоки слишком далеко зашедшей имперской политики нельзя объяснить только территориальной экспансией.

Обострение противоречий между ядром и периферией, между культурной преемственностью и изменениями, а также ослабление устойчивости давно проверенных интеграционных стратегий породили собственные ограничения. Эта динамика очень хорошо задокументирована в исторических записях Тайной истории, Алтан Тобчи и Эрденийн Тобчи. Например, ойраты, которые в 1201 г. все еще входили в противоборствующий лагерь Джамухи, но были среди тех немногих, кто своевременно подчинился, являются тому примером. Они поступили на службу в 1207 г., внесли значительный вклад в раннее строительство империи и получили привилегированное место среди подчиненных народов.

Воздавая должное военным заслугам и такому сотрудничеству, Чингисхан сделал своим родственником Кудуку Беки, самого выдающегося ойратского аристократа. Он отдал Кулукан, дочь своего старшего сына Джучи, старшему сыну Кудука Беки, Тёрёлчи, чей младший брат Иналчи получил в жены другую дочь Чечейген (Rachewiltz, 2006: 62–64, 163–65; Bawden, 1955; Sayang Sečen, 1956; Zhao, 2008: 129–131; Biran, 2018: 144).

Благодаря этим брачным союзам, которые распространились на другие линии борджигинцев в следующих поколениях, ойраты получили высочайший статус. В Монгольской империи теперь они составляли левое, или «восточное крыло», *je'ün qar* (произносится как *zun qar*, отсюда *Zungharia*), в самой западной части империи. После крушения монгольской династии Юань в 1368 г. ойраты по-прежнему оставались сильнейшим игроком и одними из первых участвовали в феодальной войне: после смерти хагана Эльбега Нигулесугчи в 1399 г. Тогон тайши (Цорос) объявил себя хаганом всех монголов, а ойраты образовали независимое, но недолгое просуществовавшее ханство (1401–1404).

Это говорит нам о многом в монгольской модели инклюзивной этнической принадлежности и интеграции по различию (в отличие от принципа интеграции по сходству, типичного для современного государства) (Schlee, 2013), также подчеркиваются некоторые такие ограничения, как исключительное происхождение и политика родства. Хотя различные группы и отдельные лица могли достичь высоких постов в имперской иерархии благодаря заслугам и наградам, принадлежность к линии чингизидов – предпочтительно по крови, в противном случае через брак – оставалась важным условием для обретения политической власти.

Это было названо «принципом Чингизида», который подразумевал, что «только потомки Чингисхана мужского пола имели право называть себя ханами» (Miyawaki, 1992: 266; Sinor, 2010). Однако это, в конечном итоге, привело к ожесточенным войнам за престолонаследие и к очень «творческому» использованию генеалогий. Следовательно, «принцип Чингизида» со временем утратил свою функциональность и был постепенно заменен «божественным» узакониванием и аутентификацией Далай-ламы после повторного распространения тибетского буддизма в конце XVI в. среди западных монголов (Ahmad, 1970; Elverskog, 2008: 105–107, 120–121; Miyawaki, 1992).

Брачные союзы, фиктивное родство (анданар), полигиния, адаптация и слияние или разделение кланов были принципами, широко практиковавшимися в социальной организации кочевников для поддержания социальной и политической мобильности. Однако то, что хорошо работало на коллективной основе для предоставления убежища и пристанища вдовам, сиротам в результате войны или беженцам, часто становилось контрпродуктивным в применении к обществу в целом в имперском контексте. Многоженство привело к неясным притязаниям на власть и спровоцировало борьбу за престол среди конкурирующих родов. Брачные союзы, хотя и часто использовались в качестве средства для укрепления связей конкурирующих государств, часто превращались в источник интриг и конфликтов между участвующими сторонами (Schorkowitz, 1993).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Пространственная и экономическая мобильность в Монгольской империи.

Если мы обратимся теперь к пространственной и экономической мобильности, связь между экспансией и завоеванием, с одной стороны, и местным управлением и сбором дани, с другой, вполне очевидна. Для того чтобы править, монголам пришлось ввести на своих периферийных территориях систему сдержек и противовесов (контрольно-балансовую систему). Чтобы облагать налогом местное население, требовались сборщики налогов и счетчики. А для общения с иностранными державами в Азии и Европе было необходимо знание иностранных языков и дипломатических соглашений. Короче говоря, монголы были достаточно гибки и способны комбинировать и рекомбинировать принципы своей политической организации с институтами, практиками и изобретениями покоренных народов. Они не только адаптировались к оседлым цивилизациям и учились у них, но также нанимали иностранных экспертов, когда это было необходимо, и переселяли население и военнопленных для своих собственных целей, как это случилось с фермерами из Средней

Азии и Китая, немецкими мастерами из Трансильвании или плотниками и ювелирами из России (Rashīd al-Dīn, 2010: 69–70; Rubruck, 1990: 144–146, 182; Carpine, 1989: 305–312, 316–319, 324–325, 331; Carpini, 1930: 220–24, 229, 236, 239–40, 253–54, 262; Robinson, 2009: 31, 44, 50). В результате «Пакс Монголика» создала возможности для интенсивной передачи культурных знаний, для распространения идеи путешествий и увеличения потока товаров, в чем могли участвовать все части империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, империя выступала в качестве посредника в поставках «культурных товаров» из Китая, Центральной Азии и Персии для крайне амбициозной элиты, существенным образом формируя культурную идентичность в Западной Евразии и, в частности, в Азиатской Славии (Allsen, 2001: 191; 2009: 144–145; Schorkowitz, 2012; 2014).

Улус Джучи, например, известный также как Золотая Орда и расположенный к северо-западу от Чагатайского ханства, определил кипчакский язык как *lingua franca* своих недавно покоренных подданных, а также волжских болгар и, в некоторой степени, также Руси. Уйгурское письмо, введенное в имперскую бюрократию Чингисханом, было широко распространено до исламизации Золотой Орды, когда оно было заменено арабским письмом. Официальная переписка и указы, известные как ярлыки, были переводами с монгольского на кипчакский язык, которые были записаны уйгурским письмом.

Монголы ввели систему снабжения и почтовые дороги с сетью станций, которая позволила итальянскому путешественнику Плано Карпини преодолеть 3000 миль за 105 дней, привилегии тархана (*tarханlıq*), которые служили наградой за службу и инструментом для создания элиты и, наконец, что не менее важно, должности баскака и даруги в Золотой Орде: первый являлся управляющим административно-территориальной единицы, а второй – сборщиком налогов или командиром (Vasary, 1976; 1978; 1987; Heywood, 2001; Golden, 2001; Bira, 2000: 133).

Основываясь на этих нововведениях и их стратегиях трансконтинентальных правления и интеграции, монголы также определили на долгое время условия торговли «коммерческими товарами» вдоль «шелковых путей и дорог специй».

С окончанием территориальной экспансии в середине тринадцатого века, падением доходов от облагаемого высокими налогами населения и истощением финансовых резервов из-за непрерывного финансирования военной свиты, торговля на большие расстояния между Азией, Африкой и Европой становилась все более и более важной для чингизидских элит, которые изначально проявляли большой интерес к свободному потоку товаров и получению прибыли. С этой целью они гарантировали безопасное передвижение иностранцев и караванов по своим территориям, а также поддержание коммуникаций и инфраструктуры, и тем самым значительно улучшили условия передвижения в пределах Монгольской империи¹.

¹Об активизации торговли в этой трансконтинентальной империи см., в частности, Томас Т. Аллсен, Товар и обмен в Монгольской империи: Культурная история исламского текстиля (Cambridge: Cambridge University Press, 1997). Я благодарю Каренину Колльмар-Пауленц за то, что она напомнила мне об этом выдающемся произведении.

Однако к XIV в. некогда симбиотические отношения между ханом и купцом превратились во взаимозависимые отношения, в которых первый обеспечивал защиту, а второй финансировал многочисленные стычки представителей чингизидских линий, которые боролись за торговые поступления и контроль над торговлей на Кавказе и в Средней Азии (Endicott-West, 1989; Ciocîltan, 2012). Азиатские торговые доходы и торговый контроль. Религиозная принадлежность теперь стала критерием исключения из привилегированного выбора и, следовательно, установления более высоких тарифов на торговлю.

Это открыло путь к исламизации Золотой Орды, которая расширила Шелковый путь от Ургенча до Сарая, до Танаиса (Азов) и Каффы (Феодосия). Набеги Джанибека на генуэзские и венецианские торговые поселения в Крыму в 1343 г., а также разрушение Тамерланом торговых центров в Сарае, Астрахани и Танаисе в 1395 г. являются яркими примерами этих конфликтов. Потеря торговли на дальние расстояния обычно приводит к быстрому краху центральной власти, что проливает дополнительный свет на ограничения мобильности в Pax Mongolica.

Литература

Ahmad, Zahiruddin, (1970). *Sino-Tibetan Relations in the Seventeenth Century*. Rome: Instituto Italiano per il medio ed estremo Oriente

Allsen, Thomas, T. (1983). Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217-1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Verlag, (3), 5–24.

Allsen, Thomas, T. (2001). *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press.

Allsen, Thomas, T. (2009). Mongols as Vectors for Cultural Transmission. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*, ed. Nicola Di Cosmo, Allen Frank, and Peter Benjamin Golden. Cambridge: Cambridge University Press

Atwood, C. P. (2004). Military of the Mongol Empire. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol empire*. New York: Facts on file. 457.

Bawden, Ch. R. (1955). *The Mongol Chronicle Altan Tobči: Text, Translation and Critical Notes*. Gottinger Asiatische Forschungen, Bd. 5. Wiesbaden: Harrassowitz, 205.

Bira, Sh. (2000). The Mongol Empire in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: East-West Relations. *The Silk Roads: Highways of Culture and Commerce*, ed. Vadime Elisseeff. New York: Berghahn, 131.

Biran, M. (2018). Mobility, empire and cross-cultural contacts in Mongol Eurasia (MONGOL). *Medieval Worlds*, 8: 136.

Boyle, J. A. (1971). Rashīd al-Dīn, *The successors of Genghis Khan*. Translated by John Andrew Boyle. (Persian Heritage Series), New York, London, Columbia University Press, 372.

Boyle, J. A. (1997). Juvaini, *Genghis Khan: The History of the World Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini*, trans. by John Andrew Boyle, Manchester: Manchester University Press, 763.

Carpine, Giovanni di Pian di (1989). *Storia dei Mongoli*, edizione critica del testo latino a cura di Enrico Menestò, traduzione italiana a cura di Maria Christiana Lungarotti, e note di Paolo Daffinà, introduzione di Luciano Petech. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo.

Carpini, Johann de Plano (1930). *Geschichte der Mongolen und Reisebericht, 1245–1247*, trans. Friedrich Risch. Leipzig: Eduard Pfeiffer

- Ciociltan, Virgil (2012). *The Mongols and the Black Sea Trade in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, trans. Samuel Willcocks. Leiden: Brill.
- Elverskog, Johan (2008). *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism and the State in Late Imperial China*. Honolulu: University of Hawai'i Press.
- Endicott-West, Elizabeth (1989). Merchant Associations in Yüan China: The Ortoy. *Asia Major* 3rd Series 2, no 2: 127–154
- Franke, H. (1978). From tribal chieftain to universal emperor and god: the legitimization of the Yuan Dynasty. Munich: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Genghis Khan: The History of the World Conqueror (1997), translated and edited by Ata-Malik Juvaini and J. A. Boyle. Seattle, WA: Washington University Press, 763.
- Golden, Peter Benjamin (2001). Some Notes on the *comitatus* in Medieval Eurasia with Special Reference to the Khazars, *Russian History/Histoire Russe* 28, no. 1: 153–170
- Heywood, Colin (2001). *Yarlıgh*. *The Encyclopedia of Islam* 9: 288–290.
- Haenisch, E. (1948). *Die Geheime Geschichte der Mongolen*. Leipzig: Otto Harrassowitz.
- Herlihy, D. (1973). Three patterns of social mobility in medieval history. *The Journal of Interdisciplinary History*, 3(4), 623–647.
- Hesse, K. (1982). *Abstammung, Weiderecht und Abgabe: zum Problem der konsanguinal-politischen Organisation der Mongolen des 13. bis zum 17. Jahrhundert*. Berlin: Reimer.
- Jackson, Peter (2005). *The Mongols and the West, 1221–1410*. Harlow: Pearson Education.
- Khazanov, A. M. (1981). The early state among the Eurasian nomads. *The study of the state*, 35, 155.
- Krader, L. (1968). *Formation of the State*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall
- Krader, L. (1969). Mongols: the governed and the governors. *Recueils de la Société Jean Bodin pour l'Histoire Comparative des Institutions*, 22, 512–526.
- Krader, L. (1978). The Origin of the State among the Nomads of Asia. *The Early State*, (32), 93–107.
- Kradin, N.N. (1995). The origins of the state among the pastoral nomads. In *Ethnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen: Festschrift für Lawrence Krader zum 75. Geburtstag*, ed. Dittmar Schorkowitz. Frankfurt am Main: Peter Lang, 163–177.
- Kradin, N.N. (1995). The Transformation of political systems from chiefdom to state: Mongolian example 1180 (?)–1206. In *Alternative pathways to early state*, 136–143.
- Miyawaki, J. (1992). The Chinggisid Principle in Russia. *Russian History Russe*. Vol. 19. N. 1–4.
- Müller, W., & Pollak, R. (2015). Mobility, social. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, vol. 15, ed. James D. Wright. Amsterdam: Elsevier, 2015.
- Pelliot, P. (1960). *Notes critiques d'histoire Kalmouke*. Texte, tableaux genealogiques (Oeuvres posthumes de Paul Pelliot. VI.). Paris: Adrien Maisonneuve.
- Petrushevsky, I. (1970). Rashīd al-Dīn's conception of the state. *Central Asiatic Journal*, 14 (1/3), 148–162.
- Rachewiltz, Igor de (2006). *The Secret history of the Mongols: a Mongolian epic chronicle of the thirteenth century* / transl. with a hist. a. philol. comment. by Igor de Rachewiltz. 2nd impr. with corr. Leiden; Boston: Brill, 646.
- Rashīd ad-Dīn. *The New Encyclopædia Britannica* (2010). Micropædia: Ready Reference, 15. ed., vol. 9. Chicago: Encyclopædia Britannica, 946.
- Ratchnevsky, P. (1965). Šigi-qutuqu, ein mongolischer Gefolgsmann im 12.–13. Jahrhundert. *Central Asiatic Journal*, 10, no. 2, 87–120.
- Robinson, David M. (2009). *Empire's Twilight: Northeast Asia Under the Mongols*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Rossabi, M. (2009). *Khubilai Khan: His life and times*. Berkeley: Univ of California Press.
- Rubruck, William of (1990). *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253–1255*, trans. Peter Jackson. London: Hakluyt Society.
- Sayang Sečen (1956). *Erdeni-yin Tobči: Mongolian Chronicle*. Cambridge: Harvard University Press.
- Sinica Franciscana I, Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV* (1929). Wyngaert A. van den (ed.). *Ad Claras Aquas* (Quaracchi-Firenze), 147–332.
- Sinor, Denis (2010). The Acquisition, the Legitimation, the Confirmation and the Limitations of Political Power in Medieval Inner Asia. *Representing Power in Ancient Inner Asia: Legitimacy, Transmission and the Sacred*, ed. Isabelle Charleux, Grégory Delaplace, Roberte Hamayon, and Scott Pearce. Bellingham: Western Washington University Press, 37–60.
- Spuler, B. (1943). *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502*. Leipzig: Harrassowitz, 100.
- Spuler, B. (1985). *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Brill.
- Schlee, Günther (2013). *Ruling over Ethnic and religious Differences: A Comparative Essay on Empires* (Max Planck Institute for Social Anthropology Working Paper No. 143). Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology.
- Schorkowitz, D. (1992). *Die soziale und politische Organisation bei den Kalmücken (Oiraten) und Prozesse der Akkulturation vom 17. Jahrhundert bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts: Ethnohistorische Untersuchungen über die mongolischen Völkerschaften*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Schorkowitz, Dittmar (1993). Konsanguinal-politische Organisation und Grenzen der Souveränität bei den Kalmücken-Oiraten. *Altaica Berolinensia: The Concept of Sovereignty in the Altaic World*, ed. Barbara Kellner-Heinkele. Wiesbaden: Harrassowitz, 229–239.
- Schorkowitz, Dittmar (2012). Cultural Contact and Cultural Transfer in Medieval Western Eurasia, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 40, no. 3: 84–94
- Schorkowitz, Dittmar (2014). Akkulturation und Kulturtransfer in der Slavia Asiatica. *Akkulturation im Mittelalter*, ed. Reinhard Härtel. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 137–163.
- Vasary, István (1976). The Golden Horde Term *daruga* and Its Survival in Russia, *Acta Orientalia Hungarica* 30: 187–197
- Vasary, István (1978). The Origin of the Institution *basqaqs*. *Acta Orientalia Hungarica* 32: 201–206.
- Vasary, István (1987). Bemerkungen zum uighurischen Schrifttum in der Goldenen Horde und bei den Timuriden. *Ural-Altaische Jahrbücher* 7: 115–126.
- Weiers, Michael (2004) *Geschichte der Mongolen*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Zhao, George Qingzhi (2008). *Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty*. New York: Peter Lang, 39, 319.